

ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНОГРАФИЯ НАРОДА КОМИ В РАБОТАХ П. А. СОРОКИНА

ДМИТРИЙ НЕСАНЕЛИС, ВИКТОР СЕМЕНОВ

(Сыктывкар)

Этнографические работы П. Сорокина отнюдь не утратили интереса и для современных исследователей. Сыграв определенную роль в становлении коми этнографии, они в то же время послужили одним из источников формирования социологической концепции ученого. Авторы рассматривают этнографическое наследие Сорокина в свете современных научных интерпретаций традиционной культуры коми.

Изучение этнографического наследия П. А. Сорокина может способствовать анализу его социологических концепций. К сожалению, доступ к фундаментальным социологическим трудам ученого до сих пор затруднен. Тем не менее даже небольшие заметки, письма и статьи П. Сорокина, относящиеся к 1916—18 годам, опубликованные в последнее время, не оставляют сомнений в том, что формирование социологических идей ученого происходило на фоне неослабевающего интереса к этнографии.

Первая этнографическая работа П. Сорокина («Пережитки анимизма у зырян») была написана в духе классического эволюционизма. Проницательно отмечая идею исторической преемственности между явлениями культуры, генезис которых относился к различным эпохам, эволюционисты последовательно отстаивали концепцию, согласно которой движение

Дмитрий Александрович Несанелис (род. в 1960 г.) — младший научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ Коми научного центра УрО АН СССР, занимается изучением традиционной духовной культуры коми народа.

Семенов Виктор Анатольевич (род. в 1945 г.) — старший научный сотрудник Сыктывкарского университета, кандидат исторических наук; в центре его научных интересов — археологические древности финно-угров и индоевропейцев, традиционная культура финно-угорских народов. В 1992 г. в издательстве ЛГУ выходит его монография «Традиционная семейная обрядность народа коми».

от более ранних социальных институтов (как предполагалось, примитивных) к более поздним (соответственно, более сложным) оценивалось как поступательное и прогрессивное. Статья Сорокина была направлена на выявление в традиционных представлениях коми таких реликтов, которые, по мысли исследователя, могли восходить к периоду первобытного строя. Опираясь на разработанный Э. Тайлором «метод пережитков» и его историко-религиоведческую теорию, ученый сделал попытку реконструировать систему идеологических представлений коми, которую он был склонен связывать с анимизмом¹.

В «Пережитках анимизма» подробно описываются верования коми о наличии у каждого человека двух душ: «лов» и «орт». Используя труды В. П. Налимова и К. Ф. Жакова, а также собственные полевые наблюдения, П. А. Сорокин приходит к выводу о том, что «анимизм некогда был (а отчасти остается и теперь) глубоко жизненным верованием зырян»².

По данным Сорокина, зыряне считали место локализации души «лов» легкие или череп, а «самый процесс умирания, — подчеркивал исследователь, — обозначается словом «ловпето», что значит «исхождение, выход души»³. Весьма примечательно, что описывая представления о природе смерти, Сорокин излагает их «с точки зрения первобытного человека, а также зырянина»⁴. Приведенная фраза вполне отражает эволюционистский подход к изучению явлений духовной культуры вообще, основанный на сближении представлений первобытных племен и так называемых «примитивных народов».

Анализируя обширные лингвистические и этнографические данные, П. А. Сорокин приходит к выводу, согласно которому душа «лов» после ее отделения от тела человека обнаруживает способность к многочисленным перевоплощениям.

Развивая эту идею, П. А. Сорокин специально подчеркивал, что «души животных, человека и неодушевленных предметов (камня, метлы) одинаковы, внешность же только форма»⁵. Для обоснования универсальности такого вывода в статье приводятся данные о сходных верованиях у других народов, рассматриваемые в качестве типологических и ареальных параллелей. «Вятские черемисы думают, — цитирует Сорокин работу известного этнографа В. Смирнова, — что человек может умереть до семи раз, переходя из одного мира в другой, и, наконец, превращается в рыбу»⁶. В связи

с этим уместно заметить, что в традиционной модели мироздания финно-угорских народов, в том числе и марийцев (черемисов), рыба соотносится с нижним (подземным) миром. Интересно, что по данным коми этнографии, не учтенным Сорокиным, в крупную рыбу или обнаженную красавицу могли обращаться леший и водяной⁷. Их привлечение, несомненно, могло бы позволить исследователю сформулировать более корректные выводы. Внимание Сорокина привлекли также верования удмуртов, по которым «умершему вояку приписывается искусство оборачиваться. Колдунья покойница выходит мышкой из маленького отверстия в могиле; затем она обращается из мышки в кошку, из кошки в собаку, добегае⁸т до деревни и в деревне обращается из собаки в человека».

Таким образом, прослеживается цепочка многократных двусторонних перевоплощений, которая, по мысли Сорокина, охватывает едва ли не всю органическую и неорганическую материю.

Целесообразно, однако, подчеркнуть, что «культ предков» у коми связывался Сорокиным не столько с перевоплощениями души «лов», сколько с представлениями об «орте», душе-двойнике, не теряющей антропоморфного облика и после смерти своего хозяина.

Обсуждая вопрос о генезисе культа предков и связанных с ним представлений, Сорокин вслед за Тайлором утверждает, что «самое понятие души возникло благодаря сну, галлюцинациям, тени и т. д.»⁹.

Вряд ли уместно излагать полемические соображения по этому поводу. Учитывая современные достижения в изучении архаичной мифологии, следует признать, что эволюционистская концепция, связывающая зарождение религиозных представлений с такими проявлениями психофизиологического бытия человека как сон и галлюцинации, представляется на сегодняшний день явно схематичной и прямолинейной. Вместе с тем очевидно, что рассматриваемая статья П. А. Сорокина принадлежит к тем исследованиям, заблуждения которых, отчасти обусловленные уровнем развития науки того времени, отнюдь не заслоняют их несомненных достоинств.

Так, исследователем была проницательно отмечена связь представлений о мире предков с почитанием такого демонологического персонажа, как домовый, а также с некоторыми календарными обычаями, в частности, с празднованием Ильина дня и Покрова. «В некоторых зырянских селах, —

писал Сорокин, - до сих пор существует обычай приносить жертву в виде нетельной коровы или бычка. Во время обедни мясо варится около церкви в больших котлах, разрезается на части и после освящения или молебна съедается присутствующими... Эти жертвоприношения представляют ни что иное, как пережитки... культа предков. Время их приношения совпадает как раз с началом посева и концом уборки хлебов, имеющих решающее значение для земледельца»¹⁰. Это ценное наблюдение вполне согласуется с идеями современных исследователей о том, что «сгущение праздничных дней именно в жатвенном цикле... должно было обеспечить максимально удачный ее исход в результате объединения усилий «Живых и мертвых», связи живых с сакральными силами»¹¹. Подтверждаются также идеи Сорокина относительно верований, связанных с домовым¹².

Заслуживающим внимания представляется и другое наблюдение Сорокина, касающееся культа предков. Ученый отмечал, что после завершения уборки урожая обычно изготовлялось специальное ритуальное блюдо «чомор» (ячменная мука, размешанная в масле), которое поедалось во время поминальной трапезы или оставлялось на поле". Интересно сопоставить эти данные со сходными сведениями, опубликованными В. П. Налимовым. Если учесть, что «чомор», согласно Налимову, иногда изготовлялся после завершения жатвы лишь на «коренных» или «дедовских» полях и «предназначался для предков»¹⁴, то можно предположить ориентацию этих действий на мифологическую «первую жатву», раскрывающуюся в стремлении получить такой объем продуктов питания, который был символически установлен предками¹⁵. Это предположение согласуется с более общими идеями, согласно которым картина мира обществ традиционного типа «может быть представлена как сумма прецедентов»¹⁶. Если суммировать наблюдения П. А. Сорокина, касающиеся «лов» и «орт», то окажется, что «участие» предков в делах потомков рассматривалось в качестве важнейшего условия стабильного функционирования социума. В «Пережитках анимизма» последовательно проводится плодотворная мысль о том, что многочисленные ритуалы и нормы этикета следует рассматривать как проявления представлений о соотношении двух миров — живых и усопших.

Исключительный интерес представляют приводимые Сорокиным сведения о запрете на шум и речь, соблюдаемом в наиболее почитаемых местах, связанных с Войпелем, духом

северного ветра¹⁷. Опираясь на них, можно выявить особое значение акустического кода, используемого для передачи информации сакрального характера. Собранные в статье обширные материалы позволяют также увидеть, что с оппозицией «шум — тишина» соотносится определенный набор двоичных противопоставлений. Это существенно для описания важных сторон мировоззрения коми.

Семейные обряды, своеобразный «охотничий этикет», правила и предписания народной медицины, представления о порче и колдовстве также получили освещение в «Пережитках анимизма у зырян». Не удивительно поэтому, что эта статья часто цитируется в современных исследованиях по духовной культуре народа коми.

В 1911 году в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» было опубликовано сразу две статьи Сорокина, посвященных вопросам этнографии: «Современные зыряне» и «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян»¹⁸.

Первая из них представляет собой сжатый очерк, в котором затронуты едва ли не все важнейшие вопросы этнографии коми. В статье очерчены этнические границы расселения коми, приведены данные о структуре хозяйства и источниках крестьянских доходов, описаны свадебные и погребальные обряды, семейный и общественный быт. Работа заканчивается этнопсихологическими зарисовками о чертах «национального характера» зырян и рассуждениями о возможных путях эволюции традиционного хозяйственно-культурного уклада коми. По охвату тем статья сопоставима с книгой Клавдия Попова.

Значительный интерес представляют изложенные Сорокиным обширные данные относительно архитектуры и планировки крестьянского жилища. Одним из первых исследователь обратил внимание на дифференциацию жилой избы на мужское и женское пространство с соответствующим закреплением частей за разнополыми членами семьи". Выразительную параллель зафиксированной Сорокиным ситуации можно увидеть в одной из норм домашнего этикета коми-пермяков, отмеченной этнографом Н. Добротворским в середине XIX века: «Эта комната (пролет — помещение, находящееся рядом с жилой избой, в которой хранились продукты — Д. Н., В. С.) находится в исключительном ведении женщины; мужчина никогда не входит туда, а если хозяину нужно взять что-нибудь из пролета, он посылает туда бабу»²⁰.

Вероятно, подобное разграничение может быть интерпретировано как частный случай стереотипа обособления полов в крестьянской среде, который, по словам Т. А. Бернштам, «сохранял признаки архаичной основы этого явления, восходящего к представлениям о связи человеческих и космических природных ритмов»²¹.

В другой упомянутой статье Сорокин, используя собственные полевые данные, предпринял попытку наметить основные этапы семейно-брачных отношений у коми, природу которых он рассматривал с эволюционистских позиций. Основные идеи Сорокина по этому вопросу испытывают влияние концепции Моргана, а также, по-видимому, и более гибких взглядов Липперта. Это влияние несомненно ощущается в стремлении исследователя выявить в живой культуре такие нормы отношений между полами, которые бы восходили к существенно более ранним формам брачного института. Вполне закономерно, что пристальное внимание Сорокина привлекла такая форма проведения досуга молодежи, как посиделки. Описывая свои впечатления, сделанные в Мординской волости (ныне село Мордино находится в Корткеросском районе Коми ССР). Сорокин отмечал: «Каждый вечер местная молодежь собирается около какого-нибудь дома, а большей частью около дома и в доме одной «веселой вдовушки» на посиделки («рыт»). Поиграв, попев, побалагурив, ночью они расходились большей частью парами и удалялись куда-нибудь или к огороду»²². В других местах, говорится далее, молодежь любит собираться около «магазеи», расположенной за чертой деревни. «Прямо там же, — писал Сорокин, — ложились пары, некоторые отходили дальше»²³. Примечательно, что и в «Программе по изучению коми края», составленной Сорокиным и изданной в 1918 году в Яренске, содержится целый ряд вопросов, нацеленных на получение информации о добрачных половых связях и многоженстве. Приведем лишь два из них: «Нет ли посиделок или койташей? И не оканчивают ли они половым сближением или просто укладыванием спать парочками?», «Нет ли вообще преданий, говорящих о свободе половых отношений в древности, о многоженстве?»²⁴. Другие вопросы были направлены на сбор сведений о бытовании таких форм брака, как левират, сорорат, умыкание или их реликтов²⁵. Сам набор этих вопросов весьма показателен в том отношении, что дает определенное представление об эволюционистском подходе к изучению семейно-брачных отношений, моделью или про-

тотипом которого можно считать геологическое и палеонтологическое изучение Земли и биосферы, восходящее еще к работам Кювье²⁶.

Целесообразно подчеркнуть, что не все современники Сорокина, изучавшие коми этнографию, разделяли идеи об эволюции семьи и брака в том виде, в котором они были изложены в его статье и которые подразумевались сформулированными в программе вопросами. Так, В. П. Налимов в одной из своих работ специально отмечал, что данные, приводимые некоторыми исследователями о степени свободы отношений полов у зырян, отличаются иногда излишними преувеличениями. Полемизируя со своими оппонентами. Налимов с присущей ему проницательностью описал целый комплекс выявленных им ограничений и запретов, регулирующих взаимоотношения полов, в том числе и в рамках семьи. При этом Налимов рассматривал нормы этикета, соблюдаемые представителями различных половозрастных групп в связи с такими важнейшими категориями традиционной культуры, как ритуальная «чистота» и «нечистота», что в значительной степени определило надежность его выводов.

Изложенные соображения, тем не менее, отнюдь не отрицают возможной достоверности сведений Сорокина, касающихся посиделок и их финала. Следует, однако, иметь в виду, что кажущаяся «свобода» добрачных отношений коми молодежи опиралась, вероятно, на определенную регламентацию и была обусловлена не столько снисходительностью общественного мнения, сколько тем, что в замкнутом сельском мире возможные будущие брачные пары определились довольно рано. Они как бы «приговаривались» сельским миром, подобно тому, как в русской традиции дети припевали юношей к девушкам, пользуясь известной дразнилкой: «Тили-тили тесто, жених да невеста». Как это ни парадоксально может выглядеть на первый взгляд, но именно спровоцированная сельским обществом полная добрачная свобода выступала своеобразным гарантом выполнения молодежью своих добрачных обязательств или защищала от нежелательного сватовства. Это гипотеза подтверждается как многочисленными данными по этнографии коми, так и разнообразными ареальными и типологическими параллелями.

В рассматриваемом контексте эволюционистская аргументация Сорокина, согласно которой молодежные посиделки следует считать реликтами группового брака, и другие сходные идеи, высказанные в статье, представляются сегодня

весьма неубедительными. Тем не менее нельзя не признать, что сам опыт теоретического осмысления данных этнографии коми в русле идей об универсальных исторических закономерностях являлся важным шагом вперед, стимулировавшим дальнейшие научные розыскания в области семейно-брачных отношений коми и других фишю-угров.

Последняя собственно этнографическая статья П. А. Сорокина «К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян» была опубликована в 1918 г.²⁷ Сопоставляя ее со статьей, посвященной анимизму, можно проследить эволюцию взглядов исследователя на проблему первобытной религии и ее пережитков. Основная идея этой работы в том, что исторически первой формой религии является тотемизм, реликты которого, по мнению Сорокина, сохранялись в мировоззрении коми вплоть до начала XX века. В связи с этим уместно упомянуть о том, что в десятые годы нашего столетия на страницах немецкого католического журнала «Антропос» развернулась оживленная полемика по вопросам тотемизма, в которой приняли участие многие видные ученые того времени. Сорокин испытывал влияние концепции одного из них — Эмиля Дюркгейма. Питирим Сорокин, также как и Дюркгейм, вкладывал в термин «тотемизм» содержание, отличное от того, которое утвердилось в этнографии вслед за Д. Мак-Ленноном. Стержень тотемизма виделся Сорокину в разделении явлений, предметов, частей пространства на «сакральные» и «профаные». Кратко коснувшись вопроса о генезисе тотемизма, Сорокин высказал идею о том, что без учета такого разграничения невозможно объяснить содержание религиозно-мифологических представлений различных народов, в том числе и коми.

Излагаемые ученым наблюдения, отчасти заимствованные у Налимова, и те выводы, которые он делал на их основе, позволяют предполагать, что этнографические поиски Сорокина конца десятых годов находились в русле тех исследований, которые позже привели к установлению роли двоичного принципа в культуре обществ с дуальной социальной организацией, нашедшего наиболее последовательное обоснование в структурной антропологии К. Леви-Стросса. Вместе с тем, тотемистическая гипотеза в том виде, в котором она изложена Сорокиным, отличается некоторой схематичностью. Это проявляется, прежде всего, в том, что в тотемизме, по мнению Сорокина, разграничение «сакрального» и «профанного» было необычайно жестким и последовательным. Это

исключало возможность их сближения, а тем более инверсии. Такая категоричность вряд ли может быть признана оправданной в свете теории карнавала М. М. Бахтина и близких ей идей, получивших распространение в отечественной этнографии и этносемиотике.

Тем не менее, эвристическую ценность идей П. А. Сорокина о противопоставлении священного и обыденного отрицать вряд ли справедливо. Вполне вероятно, что если бы он продолжил свои разыскания в намеченном направлении, то это могло бы привести к ощутимым научным результатам.

1. См. **Сорокин П. А.** Пережитки анимизма у зырян. //Известия архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 20. С. 49—62; № 22. С. 69—83.

2. **Сорокин П. А.** Пережитки анимизма у зырян. — № 20. — С. 49.

3. Там же.

4. Там же. С. 51.

5. Там же. С. 56.

6. Там же. С. 59.

7. См. **Старцев Г. А.** Зыряне: Этнографический очерк //ЦГА Коми ССР. Ф. 710. Оп. 1. Д. 4. С. 36, 39.

8. **Сорокин П. А.** Пережитки анимизма... С. 59.

9. Там же. С. 57.

10. Там же. № 22. С. 39—40.

11. **Бернштам Т. А.** Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.) //Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 146.

12. См. **Несанелис Д. А.** Старинная игра детей коми «горд гача»: опыт семантического анализа //Генезис и эволюция традиционной духовной культуры народа коми. Сыктывкар, 1989 Др. Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО АН СССР. Вып. 43. С. 81.

13. **Сорокин П. А.** Пережитки анимизма. № 22. С. 40.

14. **Налимов В. П.** Загробный мир по верованиям зырян. //Этногр. обозрение. 107. № 1-2. С. 5.

15. **Ср. Топоров В. Н.** Образ трикстера в енисейской традиции //Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 18—19.

16. **Байбурун А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 7.

17. **Сорокин П. А.** Пережитки анимизма... № 20. С. 54; № 22. С. 45.

18. См. **Сорокин П. А.** Современные зыряне //Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 22, 23, 24, 25; **Сорокин П. А.** К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян //Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 1, 5.

19. **Сорокин П. А.** Современные зыряне. № 18. С. 520.
20. **Добротворский Н.** Пермьки //Вестник Европы. 1883. Вып. 3. С. 243.
21. **Бернштам Т. А.** Указ. соч. С. 132.
22. **Сорокин П. А.** К вопросу об эволюции... № 5. С. 357.
23. Там же. С. 358.
24. Программа по изучению зырянского края. Яренск, 1918. С. 4—5.
25. Там же.
26. См. **Токарев С. А.** История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 38, 42—43; **Иванов В. В.** Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 12.
27. **Сорокин П. А.** К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян //Известия Вологодского общества изучения Северного края. 1917. Вып. 4. С. 49—55.